

неизвестные страницы жизни
Владимира Ульянова-Ленина

*Владимир
Урецкий*

Казань: бунтарское студенчество, первая любовь, ходячая ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

145

 В ЭТОМ году исполнилось 155 лет со дня рождения Владимира Ильича Ульянова-Ленина (1870–1924). Детские и юношеские годы его были тесно связаны с Казанью и территорией современной Республики Татарстан, которая до 1917 года входила в состав Казанской губернии. Здесь произошли события, которые оставили глубокий след в жизни Владимира Ульянова-Ленина. Это начало его революционной деятельности, участие в студенческой сходке, первый арест, ссылка и первая любовь. Но обо всём по порядку.

С раннего детства Володя Ульянов вместе со своей семьёй часто бывал в Казани. Приезжал он на пароходе из Симбирска, чтобы провести летние месяцы в деревне Кокушкино. Деревня находилась в Черемышевской волости Лаишевского уезда в сорока километрах от Казани. Когда-то она принадлежала Александру Дмитриевичу Бланку (1802–1870), деду Владимира Ульянова по материнской линии (сегодня это село Ленино-Кокушкино в Пестречинском районе Республики Татарстан). Из речного порта, расположенного в Даль-

Володя Ульянов в год окончания гимназии. Симбирск, 1887

нем Устье, Ульяновы отправлялись по адресу: Профессорский переулок, дом Завьяловой. На утраченном несколько лет назад доме № 10 висела мемориальная доска с надписью, что здесь в детстве и юности останавливался Владимир Ильич Ульянов, по пути из Симбирска в Кокушкино. В доме Ольги Завьяловой снимала квартиру и жила со своей семьёй Анна Веретенникова, старшая сестра Марии Александровны Ульяновой, матери Владимира Ильича.

Поэтому в каждый свой приезд семья Ульяновых останавливалась у Веретенниковых и занимала комнату на втором этаже. Через несколько дней обе семьи отправлялись на отдых в деревню Кокушкино. В квартире Веретенниковых произошёл случай, который нашёл отражение в рассказе классика русской и советской литературы Михаила Зощенко «Графин». В этой истории рассказывается о том, как в восьмилет-

нем возрасте Володя Ульянов приехал в Казань. В квартире тётки Ани мальчик случайно разбил графин и попытался скрыть свою проделку. Все дети отрицали свою вину, и Володя тоже, боясь признаться перед малознакомой тёткой. Прошло несколько месяцев, и Володя, находясь в Симбирске, признался матери, что это он разбил графин. Мать утешила его, сказав, что напишет тётке Ане и что она, наверное, простит его...

Летние поездки в Казань могли бы продолжаться и дальше, но в семье Ульяновых произошли события, вынудившие их навсегда покинуть Симбирск. В мае 1887 года за подготовку покушения на императора Александра III был казнён старший брат Володи – Александр Ульянов. По его делу арестовали и осудили на пять лет ссылки в Восточную Сибирь старшую сестру Анну Ульянову. Лишь благодаря ходатайству Марии Александровны наказание было смягчено, и девушку выслали под надзор полиции в деревню Кокушкино. Все знакомые отвернулись от семьи Ульяновых. Даже старый учитель, который раньше любил приходить к ним по вечерам, чтобы поиграть в шахматы, перестал появляться.

В тот год Володя Ульянов, окончивший гимназию с золотой медалью, имел возможность продолжить образование в Санкт-Петербургском университете. Но после трагедии, которая произошла с Александром Ульяновым, планы пришлось изменить, и он решил стать студентом юридического факультета Императорского Казанского университета. И семья Ульяновых принимает решение переехать в Казань на постоянное место жительства. Поэтому в конце мая 1887 года в газете «Симбирские губернские ведомости» появилось объявление: «По случаю отъезда продаётся дом с садом, рояль и мебель. Московская ул., дом Ульяновой». Многие жители Симбирска приходили по этому адресу из любопытства. Они хотели увидеть семью повешенного преступника.

Дом в Симбирске продали быстро, и в июне семья Ульяновых переехала в Казань. С 19 августа 1887 года они

*Семья Ульяновых.
Симбирск, 1879*

проживали в квартире на первом этаже двухэтажного деревянного дома, построенного в середине XIX века, по адресу Первая Гора, дом Ростовая (теперь улица Ульянова-Ленина, дом 24). Мария Александровна сняла квартиру в доме, где на втором этаже жила ещё одна из её сестёр – Любовь Ардашева-Пономарёва со своей семьёй.

29 июля 1887 года Владимир подал прошение о приёме на юридический факультет. Однако фамилия Ульянова была хорошо знакома ректору университета Николаю Кремлёву, и на прошении появилась резолюция: «Отсрочить до получения характеристики». Запрос был отправлен в Симбирск, и теперь

всё зависело от характеристики, которую должен был написать директор Симбирской мужской гимназии Фёдор Керенский. Следует отметить, что Фёдор Михайлович проявил исключительную порядочность и смелость. Так как в характеристике он с гордостью написал: «Ни в гимназии, ни за её пределами не было замечено ни одного случая, чтобы Ульянов своим словом или делом вызвал у начальствующих и преподавателей гимназии неудовлетворительное мнение о себе. За обучением и нравственным развитием Ульянова всегда тщательно наблюдали родители. В основе воспитания лежали религия и разумная дисциплина. Присматриваясь

Дом Орловой. Первая гора
(Ульянова-Ленина, 58)

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ...

ближе к домашней жизни и характеру Ульянова, я не мог не заметить в нём излишней замкнутости и чуждаемости от общения даже со знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами и вообще нелюдимости».

Эта характеристика удовлетворила университетское начальство. 13 августа 1887 года на заявлении Ульянова появилась резолюция «Принять». Так он стал студентом и дал расписку, в которой, согласно существовавшим правилам, обязался «не состоять членом и не принимать участия в каких-либо сообществах, землячествах и т. п., а равно не вступать членом даже в дозволенные законом общества без разрешения на то в каждом отдельном случае ближайшего начальства».

Эта формальная расписка не помешала ему в конце сентября вступить в Симбирское землячество, которое было одной из форм организации студентов в Императорских университетах. Молодые люди из одного города, губернии или целого региона объединялись, чтобы помогать друг другу. Вскоре Симбирское землячество объединилось с Самарским, и новое объединение избрало первокурсника Владимира Ульянова своим представителем в Союзный совет землячества. Где он сразу же оказался в гуще бурных событий студенческой жизни.

В Собачьем переулке, в доме Агева, сегодня улица Некрасова, (дом №22, здание утрачено) на чердаке жили студент ветеринарного института Александр Скворцов, приехавший из Таганрога, и Лазарь Богораз, находившийся под негласным надзором полиции. В одной из квартир этого дома, принадлежавшей Филатовой, друзья организовали тайный революционный кружок. В него входили студенты университета и ветеринарного института. Одним из участников этого кружка, который в полицейских документах называли «крайне вредным направлением», стал Владимир Ульянов. Он посещал заседания, где его члены активно занимались самообразованием, читая произведения Маркса, Энгельса, Белинского, Чернышевского, Добролюбова... Члены этого кружка активно участвовали в студенческой сходке, что привело к их исключению из высших учебных заведений и высылке из Казани. Это был первый в жизни Ульянова революционный кружок, где он «впервые обратил на себя внимание сношениями с известным Лазарем Богоразом».

3 ноября 1887 года семье Ульяновых пришлось переехать на другую квартиру в дом Соловьёвой, расположенный по соседству на Новокомиссариатской улице, теперь это улица Муштари (дом № 15, утрачен). Причиной переезда стало то, что к осени в квартире дома Ростовской стало холодно и появилась сырость. Тем не менее проблема повторилась и в новой квартире. Об этом в письме своей гимназической подруге Александре Щербо в конце октября 1887 года писала Ольга Ульянова: «Мы сняли квартиру в новом доме, где ещё никто не жил; здесь ужасно холодно, а хозяйка только сегодня дала вставлять зимние рамы, мы мёрзнем...» В доме Соловьёвой Владимир Ульянов сделал окончательный выбор в пользу революции. Занятия в Университете он посещал не столь исправно, как в гимназии. В ноябре он присутствовал на лекциях лишь восемь дней. Гораздо больше его привлекала та студенческая жизнь, которая буквально бурлила в универси-

тете. Владимир готовился к участию в известной сходке.

Вечером 1 декабря 1887 года Владимир Ульянов как представитель от Самарско-Симбирского землячества участвовал на конспиративном совещании, которое состоялось в доме Воротникова на улице Нижне-Фёдоровской (теперь улица Федосеевская, дом утрачен). Собравшиеся депутаты землячества университета, ветеринарного института и представители революционных кружков заслушали сообщение представителей московского студенчества о волнениях студентов Москвы в конце ноября 1887 года. Также обсудили вопросы, связанные с протестом против нового университетского Устава, принятого в 1884 году. Согласно этому уставу, студенты были обязаны каждый семестр платить пять рублей в пользу университета и по одному рублю каждому преподавателю, на чьи лекции они записались. Однако уже в 1887 году первый взнос резко возрос. Например, Владимир Ульянов, будучи первокурсником, заплатил 16 рублей только за возможность посещать в первом полугодии следующие курсы лекций: четыре лекции профессора богословия Миловидова, шесть лекций ординарного профессора Загоскина по «Истории русского права», две лекции по «Энциклопедии права», пять лекций экстраординарного профессора Дормидонтова по «Истории римского права», три лекции Орлова по «Английскому языку». Кроме того, в июне 1887 года министр народного просвещения Иван Делянов издал циркуляр «О сокращении гимназического образования». На собрании участники приняли решение о проведении сходки. Они одобрили прокламацию под названием «Ко всем казанским студентам», составили текст «петиции студентов» и назначили дату выступления – 4 декабря 1887 года.

В секретном донесении попечителя Казанского учебного округа в Департамент народного просвещения (фотокопия этого донесения хранится в музее Казанского федерального университета), написано: «В. И. Ульянов ещё дня

*Дом Завьяловой
(Профессорский переулок, 10)*

за два до сходки подал повод подозревать его в подготовке чего-то нехорошего. Проводил время в курительной комнате, беседуя с наиболее подозрительными студентами, уходил домой и снова возвращался, приносил что-то по просьбе других и вообще о чём-то шушукался, вёл себя странно. 4 декабря бросился в актовыв зал, махая руками, желая этим воодушевить других». Уходя со сходки, Ульянов в знак протеста одним из первых оставил свой студенческий билет. Хотя Владимир Ульянов не был организатором студенческой сходки, а был одним из её пассивных участников, на следующий день он письменно подтвердил своё решение покинуть университет. Это добровольно написанное прошение об исключении его из университета стало первым письменным документом протеста молодого Ленина. Вот этот текст: «Его превосходительству господину ректору Императорского Казанского Университета от студента 1-го семестра юридического факультета Владимира Ульянова. Прощение: Не считаю возможным продолжать своё образование в Университете при нынешних условиях университетской жизни. Прошу вас сделать надлежащее распоряжение об исключении меня из числа студентов Императорского Казанского Университета. Студент 1-го семестра юридиче-

ского факультета Владимир Ульянов. Казань, 5 декабря 1887 года».

Так завершился казанский студенческий период в жизни Владимира Ильича Ленина. В ночь с 4 на 5 декабря 1887 года в квартире дома Соловьёвой он был арестован. Известен знаменитый диалог Ульянова с приставом, взявшим его под стражу в квартире и доставившим в ту ночь в полицейскую часть. В пересказе Владимира Адоратского со слов Владимира Ульянова диалог звучал так: «“Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена”, – сказал пристав. “Стена, да гнилая, – ткну её, она и развалится”, – ответил начинающий революционер».

На улице Односторонка Пересыльного замка (сегодня улица Батурина, 7) находилась пересыльная тюрьма. Сюда под конвоем был доставлен семнадцатилетний Владимир Ульянов, самый молодой из 33 задержанных участников и активных организаторов студенческой сходки. Сначала заключённых разместили в одиночных камерах, где на всех недели арестантские халаты. После их перевели в общую камеру. Против халатов поднялся протест, и они были сняты по приказанию губернатора. Вот что вспоминал позже Евгений Фосс, один из студентов, арестованных вместе с Ульяновым: «Сначала некоторых из нас рассадили по одиночкам, затем перед сортировкой и высылкой, – в общую камеру пересыльной тюрьмы, именовавшуюся тогда “крепостью”... здесь же, вместе с нами, оказался и Владимир Ильич. Несмотря на арестантские халаты, в которые нас нарядили, на то, что большинство более суток ничего не ели,.. на массу паразитов на нарах, среди молодёжи царил радостное, весёлое возбуждение, сочиняли прозой и стихами воззвания “на волю”, пели революционные и просто студенческие песни, рассказывали о всевозможных эпизодах последних дней и пр. и пр. Владимир Ильич был всё время молчалив, сосредоточен и не принимал никакого участия в общем оживлении. Кому-то пришлось в голову произвести “анкетный” опрос товарищей по заклю-

чению, кто и что думает предпринять по освобождению (подразумевалось выдворение из Казани). Большинство, видимо, оказалось застигнутым врасплох, давались неуверенные, а подчас и не совсем искренние ответы, прикрытые иногда деланной бесшабашностью... Когда очередь дошла до студента Ульянова, ему был задан в полушутливом тоне вопрос: “Ну, а ты, Ульянов, что думаешь делать потом?” Он, после некоторой паузы, как бы очнувшись от задумчивости, слегка улыбнувшись, сказал, что перед ним одна дорога – дорога революционной борьбы”».

После ареста Володя Ульянов, как и другие арестованные, был выслан из Казани. Вечером 7 декабря 1887 года в санной кибитке вместе с матерью и сестрой Марией он отправился в ссылку в деревню Кокушкино. Мария Ульянова вспоминала: «С братом и матерью, которая поехала проводить Владимира Ильича до деревни, мы едем по городу в крытой кибитке, а сзади нас на рысаке провожает – и это останавливает всё моё внимание – полицейский чин. У городской черты он поворачивает обратно, а мы под звон колокольчиков и скрип полозьев по снегу продолжаем наш путь». Позднее Владимир Ильич в своей незавершенной автобиографии напишет: «В декабре 1887 года я был первый раз арестован и исключён из Казанского университета за студенческие волнения, затем выслан из Казани».

В сентябре 1888 года Владимир Ульянов вернулся из ссылки в Казань и стал жить по адресу: Первая Гора (улица Ульянова-Ленина, 58). Мария Александровна сняла квартиру в деревянном флигеле усадьбы Орловых. Об этом Ольга Ульянова писала своей подруге Александре Щербо: «Квартира большая, светлая, только что отделанная; при ней порядочный садик... Кухни было две – на первом и втором этаже. Лишнюю кухню на первом занял Владимир. Она была уединённой и удобней для занятий, чем верхние комнаты. Ну а ненужную плиту застелили газетами,

так что получился как бы второй стол помимо кухонного». Время, проведённое в кокушкинской ссылке, сыграло важную роль в жизни Володи Ульянова. Он стал более зрелым в теоретическом и политическом плане, что подготовило его к углублённому изучению трудов Карла Маркса и участию в федосеевских кружках в Казани. В этих кругах он окончательно сформировался как убеждённый революционный марксист. Владимир Ульянов хотел продолжить учёбу в Казанском университете и обращался с соответствующими прошениями. Одно из них было написано 9 мая 1888 года, когда Ульянов находился в ссылке. Он обратился к Министру народного просвещения с просьбой разрешить ему поступить в Императорский Казанский университет, но получил отказ. 6 сентября 1888 года Ульянов обратился к Министру внутренних дел с просьбой разрешить ему выехать за границу для обучения в зарубежном университете. Однако и в этот раз его желание не было удовлетворено.

До сих пор ничего не было известно о юношеской влюблённости Володи Ульянова. Его сестра Ольга перезнакомилась брата со всеми своими гимназическими подругами, он с удовольствием помогал им готовить уроки. Но девочки стеснялись Олиного брата, серьёзного, начитанного, хотя он относился к ним по-товарищески. Александра Щербо рассказывала, например, как Владимир по просьбе Марии Александровны провожал её домой: «Подаст шубу, и пойдём. А я и говорить-то не знаю, что, не смею. Какой-то он сосредоточенный, серьёзный казался». Однажды, когда Ольга заболела, она попросила брата передать записку другой подруге – Вере Юстиновой. Но свидание не состоялось. Вера сказала, что Владимир убежал от неё, а он – что убежала Вера, сконфузившись перед старшеклассником. И в следующей записке Ольга пишет подруге: «Брат сообщил мне, что не он от Вас убежал, а Вы от него. Это можно объяснить взаимной храбростью». Чувствуя себя совершенно свободно в общении с родными и

двоюродными сёстрами, Владимир был крайне стеснителен с малознакомыми девочками.

Вероятно, Владимир Ульянов испытывал неловкость из-за своего внешнего вида. Сохранилось подробное описание его внешности в юности, оставленное его одноклассником Александром Наумовым, известным государственным деятелем и министром земледелия в 1915–1916 годах. Наумов учился вместе с Ульяновым в гимназии и в течение шести лет сидел с ним за одной партией. В своих мемуарах «Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917», изданных в Нью-Йорке в 1954–1955 годах, Александр Николаевич вспоминал: «Маленького роста, довольно крепкого телосложения, с немного приподнятыми плечами и большой, слегка сдавленной с боков головой, Владимир Ульянов имел неправильные – я бы сказал – некрасивые черты лица: маленькие уши, заметно выдающиеся скулы, короткий, широкий, немного приплюснутый нос и вдобавок – большой рот, с жёлтыми, редко расставленными зубами. Совершенно безбровый, покрытый сплошь веснушками, Ульянов был светлый блондин с зачёсанными назад длинными, жидкими, мягкими, немного вьющимися волосами. Но все указанные выше неправильности невольно скрашивались его высоким лбом, под которым горели два карих круглых уголька. При беседах с ним вся невзрачная его внешность как бы ступеньки вывалилась при виде его небольших, но удивительных глаз, сверкавших недюжинным умом и энергией...»

Случилось так, что в Казани Володя Ульянов влюбился. Трудно представить себе, но в доме на улице Касаткина Владимир Ильич пел романсы и объяснялся в любви. Известно, что одним из его любимых произведений был романс Александра Даргомыжского «Свадьба». Вероника Алексеевна Домрачева, член Союза журналистов СССР, России и Татарстана поделилась воспоминаниями своей мамы Капитолины Валентиновны Барановой-Алексеевой: «Наша семья жила в Казани на улице Ленина

(бывшая Первая гора, сегодня улица Ульянова-Ленина). С Галей Картиковской и Женей Коробицыным мы учились в одном классе знаменитой Самойловской школы им. Радищева (теперь музей Боратынского, улица Горького, 25). Дружили между собой ещё с детского сада, часто собирались в гостеприимном особняке на улице Касаткина у Картиковских-Коробицыных.

Родной дед Гали и Жени Павел Картиковский, выходец из помещичьей семьи, приобрёл этот дом в Казани в середине XIX века. Он переехал сюда из Симбирской губернии, как и семья Ульяновых, с которой они дружили. В Казани Павел Картиковский заведовал интендантскими складами, теперь на этом месте находится сквер Урманче, улица Большая Красная, 57. У Павла Ивановича было две дочери – старшая Софья и младшая Александра. К весёлой и общительной красавице Софье часто заходил молодой Володя Ульянов. Как она рассказывала, они музицировали (Софья хорошо играла на фортепиано), танцевали в зале с колоннами. У Володи был прекрасный тембр, он исполнял страстные романсы, ну и... целовались иногда. Володя Ульянов сделал предложение руки и сердца Софье Картиковской, но она ответила отказом. Следующее поколение подшучивало над ней, что, если бы она согласилась, то не было бы той революции...

Софья Картиковская похоронена на Арском кладбище Казани в скромной могилке с металлическим православным крестом. А влюблённый в неё юноша покоится в мавзолее на Красной площади Москвы. Такова жизнь.

Вот что удалось узнать о Софье Картиковской. Софья Павловна родилась в 1867 году, на три года раньше Владимира Ульянова. Сохранилась Пасхальная открытка, отправленная Картиковской своему отцу Павлу Ивановичу 9 апреля 1911 года по адресу: Казань, улица Касаткина, собственный дом (дом Картиковского). «Христос Воскресе! Милый папочка! Поздравляю Вас с праздником светлого Христова Воскресения, крепко

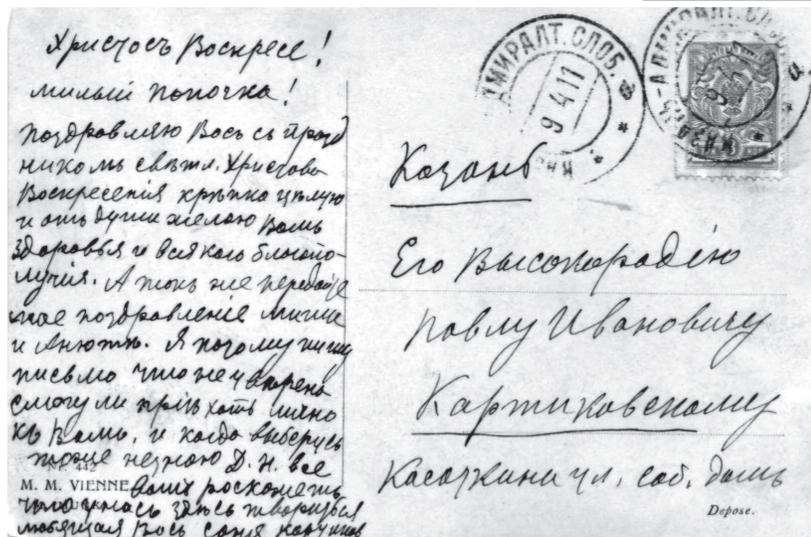
целую и от души желаю Вам здоровья и всякого благополучия. А также передайте моё поздравление Мише и Анюте. Я, почему пишу письмо, потому что не уверена, смогу ли приехать лично к Вам, и когда выберусь, тоже не знаю. Д. Н. Вам расскажет, что у нас здесь творится. Любящая Вас Соня Картиковская».

В то время Софья Картиковская жила в Ягодной слободе на Архангельской улице (ныне улица Гладилова). Работала она фельдшерницей-акушеркой в больнице при Алафузовской фабрике. Умерла в 1954 году. Упомянутый в открытке Миша – это Михаил Павлович Картиковский, надворный советник и родной брат Софьи Павловны. 17 декабря 1918 года он был обвинён в контрреволюционной деятельности и арестован.

Зимой 1888–1889 года Владимир Ульянов начинает посещать казанский шахматный клуб, который находился в двухэтажном кирпичном доме на пересечении улиц Грузинской и Рыбнорядской. Играть в шахматы Володя начал ещё в детстве, когда ему было восемь-девять лет. Александр Наумов вспоминал: «Единственное, что он признавал и любил как развлечение, – это игру в шахматы, в которой обычно оставался победителем даже при единовременной борьбе с несколькими противниками». Приходил он в шахматный клуб чаще всего с двоюродным братом Александром Ардашевым (1863–1933). Здесь же Владимир Ильич стал встречаться с товарищами по нелегальному революционному кружку и друзьями по студенческому землячеству, членом которого он состоял.

В Казани образовался ново-народовольческий кружок, который стал частью Сабунаевской организации. Михаил Сабунаев, народоволец, организатор народовольческих кружков в Поволжье, вернулся из ссылки и, объявив себя новым народовольцем, пытался создать организацию, в которую вошли бы все протестные силы тогдашнего российского общества. Для таких встреч использовали квартиру Марии

Открытка
Софьи
Картиковой

Четверговой, участницы народовольческого движения, вдовы штабс-капитана, проживавшую на Петропавловской улице (ныне улица Мусы Джалиля, д. 1/36). Сюда заходил и Ульянов. Его сближала с хозяйкой квартиры общая любовь к Чернышевскому. Они могли часами обсуждать его произведения. Новые связи и знакомства Владимира Ульянова не остались незамеченными полицией. Негласный надзор за ним усилился, и губернское жандармское управление зафиксировало его контакты с подозрительными лицами, а также с теми, кто был замечен в политической неблагонадежности. Ситуация становится угрожающей, и Владимир Ульянов вновь предпринимает попытку выехать за границу, в этот раз для лечения. Причиной стало заболевание желудка, которое появилось у него к 17 годам из-за неправильного питания. Поэтому прежде чем подать заявление на получение заграничного паспорта, Владимир Ульянов прошёл медицинское обследование и 29 апреля 1889 года получил медицинское свидетельство, подписанное профессором Казанского университета Николаем Котовщиковым. В этом документе говорилось, что Ульянов страдает от расширения желудка, сопровождающегося сильно выраженным катаром. Для излечения

болезни он должен лечиться щелочными водами и всего лучше водами Vichy (Франция). Соответствующее прошение с просьбой о выдаче заграничного паспорта подаётся губернатору, но 14 июня 1889 года приходит отказ с формулировкой: «Лечиться можно и на Кавказе». Лично ознакомиться с этим решением Владимир Ульянов не смог, так как 3 мая он вместе с семьёй покинул Казань.

Ещё в январе 1889 года, осознавая, что пребывание в Казани становится небезопасным для её сына, Мария Александровна на средства, вырученные от продажи дома в Симбирске, приобрела небольшой хутор в Самарской губернии Богдановской волости, недалеко от деревни Алакаевка. Мать надеялась, что вдали от городов и бунтующей студенческой молодёжи Володя увлечётся сельским хозяйством. Но его это занятие не увлекло. Однако решение покинуть Казань именно в мае было своевременным, так как начались обыски и аресты. В деревне Ключищи арестовали Николая Федосеева – одного из первых пропагандистов марксизма в России. За ним последовали ещё несколько участников кружка, ходивших к Марии Четверговой. В этом списке, безусловно, мог бы быть и Володя Ульянов. В общей сложности Вла-

дмир Ильич провёл в Казанской губернии около двух лет: с конца июня 1887 года до начала мая 1889 года. Тем не менее он ещё несколько раз приезжал в Казань и поддерживал с ней связь. Вот что известно об этом.

В августе 1889 года Владимир Ильич вновь оказался в Казани, сопровождая Марию Александровну. Ей нужно было дать распоряжение о перевозке имущества в Самару. Вещи следовало отправить в Самарскую губернию, на хутор возле деревни Алакаевки. Туда семья Ульяновых перебралась из Казани. 19 мая 1890 года Владимир Ульянов получил разрешение сдавать экзамены на юридический факультет Петербургского университета. В конце августа он поехал в столицу, чтобы ознакомиться с программой предстоящих экзаменов. Путь из Самары в Петербург проходил по Волге через Казань. Поэтому Владимир Ульянов смог посетить город. По просьбе Марии Александровны он навестил родственников, встретился с друзьями и задержался на пять дней, до сентября. 29 августа 1890 года казанский полицеймейстер доложил губернатору о прибытии Владимира Ильича в Казань. Что он остановился в гостинице «Сибирские номера» (сегодня улица Баумана, 36/12), которая пользовалась популярностью у мелких купцов и богатых крестьян, приезжавших по торговым делам. В гостинице было 55 комнат с ваннами и общим телефоном. 1 сентября Владимир Ильич выехал пароходом в Нижний Новгород, чтобы оттуда следовать дальше по железной дороге в Петербург. Чтобы избежать полицейской слежки, при отъезде он зарегистрировался в «Сибирских номерах» как выехавший в Симбирск. Это сработало, и 4 сентября казанский полицеймейстер сообщил своему коллеге в Симбирске о выезде к ним Владимира Ульянова, находившегося под негласным надзором полиции.

Ещё об одном неизвестном приезде Ульянова в Казань в 1892 году вспоминала Мария Яснева-Голубева – участница революционного движения с конца 1870-х годов. «Осенью 1892 года я

уезжала из Самары в Сибирь. Владимир Ильич ехал тогда со мной на пароходе до Казани. Какова была цель его поездки, я не припомню. Помню только, что сидя со мной на палубе парохода, он вытаскивал из кармана какие-то тетрадки и вычитывал оттуда различные выдержки...»

Последний визит Владимира Ульянова на территорию сегодняшней Республики Татарстан был связан с путешествием по Волге от Нижнего Новгорода до Уфы. Цель поездки – навестить свою жену Надежду Крупскую (1869–1939), находившуюся в ссылке под гласным надзором. В июне 1900 года Владимир Ильич, Мария Александровна и старшая сестра Анна Ильинична отправились из Нижнего Новгорода на пароходе «Ост» вниз по Волге. В Казани они пересели на другой пароход, чтобы добраться до Уфы по рекам Каме и Белой. Все суда, следовавшие по Волге в Уфу, делали обязательную остановку в Бережных Челнах (ныне Набережные Челны). Это место славилось самой большой пристанью на Каме. Согласно «Волжско-Камской справочной книжке» за 1901 год, пароходы обычно стояли подолгу здесь, и Ульяновы могли несколько часов насладиться прогулкой. Вернувшись из поездки 16 июля 1900 года, Владимир Ильич уехал за границу. В письме матери из Лондона в 1902 году он писал: «Хорошо бы летом на Волгу! Как мы великолепно прокатились с тобой и Анютой весной 1900 года!» Это было последнее посещение Владимиром Ульяновым Казанской губернии.

Александр Наумов, бывший одноклассник Ульянова, сделавший блестящую карьеру в царской России, отверг революцию, эмигрировал и скончался в 1950 году в Ницце. В своих мемуарах вспоминал: «Прошло много лет и судьба в самом деле исключительным образом отметила моего тихого и скромного школьного товарища, превративши его в мировую известность, в знаменитую отныне историческую личность – Владимира „Ильича“ Ульянова-Ленина, сумевшего в 1917 году выхватить из

рук безвольного Временного правительства власть. Предчувствия нас не обманули. Ещё в те отдалённые времена Ульянов казался всем окружающим каким-то особенным. Ульянов в гимназическом быту довольно резко отличался от всех нас – его товарищей. Начать с того, что он ни в младших, ни тем более в старших классах, никогда не принимал участие в общих детских и юношеских забавах и шалостях, держась постоянно в стороне от всего этого, и будучи непрерывно занят или учением, или какой-либо письменной работой. Гуляя даже во время перемен, Ульянов никогда не покидал книжки и, будучи близорук, ходил обычно вдоль окон, весь уткнувшись в своё чтение. Способности он имел исключительные, обладал огромной памятью, отличался ненасытной научной любознательностью и необычайной работоспособностью. Повторяю, я все шесть лет прожил с ним в гимназии бок о бок, и я не знаю случая, когда „Володя Ульянов” не смог бы найти точного и исчерпывающего ответа на какой-либо вопрос по любому предмету. Воистину, это была ходячая энциклопедия, полезно-справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей. Как только Ульянов появлялся в классе, тотчас же его обычно окружали со всех сторон товарищи, прося то перевести, то решить задачку. Ульянов охотно помогал всем, но насколько мне тогда казалось, он всё же недолюбливал таких господ, норовивших жить и учиться за чужой труд и ум. По характеру своему Ульянов был ровного и скорее весёлого нрава, но до чрезвычайности скрытен и в товарищеских отношениях холоден: он ни с кем не дружил, со всеми был на „вы”, и я не помню, чтоб когда-нибудь он хоть немного позволил себе со мной быть интимно-откровенным. Его „душа” воистину была „чужая”, и как таковая, для всех нас, знавших его, оставалась,

согласно известному изречению, всегда лишь „потёмками”. В общем, в классе он пользовался среди всех его товарищей большим уважением и деловым авторитетом, но вместе с тем нельзя сказать, чтоб его любили, скорее – его ценили. Помимо этого, в классе ощущалось его умственное и трудовое превосходство над всеми нами, хотя надо отдать ему справедливость – сам Ульянов никогда его не выказывал и не подчёркивал».

Став первым председателем Совета народных комиссаров РСФСР и Совета народных комиссаров СССР, Владимир Ленин поддерживал связь с Казанью и оказывал необходимую помощь. Об одном из таких случаев, связанных с семейной историей, рассказала Вероника Домрачева. Дед Вероники Алексеевны, Валентин Иванович Баранов, был депутатом Казанского городского совета. В 1918 году возмущённый несправедливым увольнением сотрудников, преподавателей и профессоров из Казанского университета, Валентин Иванович отправляется в Москву, чтобы лично поговорить с Лениным. В Кремле, встретившись с Владимиром Ильичом, Баранов поведал о том, что из-за революции и под предлогом сокращений увольняют достойных сотрудников, а зарплату не платят уже довольно долго. Из списка уволенных Ленин был знаком со многими лично и назвал это «сущим безобразием дел в родном Казанском Университете». Владимир Ильич вызвал Луначарского и связался с Казанью по прямому проводу. Он приказал немедленно восстановить уволенных и выплатить жалованье всем сотрудникам... На вокзале в Казани Баранова радостно встречала целая делегация. В память об этой поездке они подарили ему резное дубовое трюмо с табличкой: «В. И. Баранову за его благородные труды от благодарных сотрудников Казанского Университета».